

ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ 1832 г. В ПАРИЖЕ

Статья посвящена эпидемии холеры в Париже в 1832 г., которая стала не только трагедией для тысяч парижан, но и настоящим потрясением для режима короля Луи-Филиппа Орлеанского, возникшего в ходе Июльской революции 1830 г. Источниковую базу статьи составили документы неофициального происхождения, прежде всего мемуары, дневниковые записи, публицистика, а также художественная литература. На основе анализа работ Ш. Ремюза, А. Дюма, Р. Аппоньи, Э. Сю, Г. Гейне в рамках статьи анализируется реакция парижан на эпидемию холеры, позиция официальных властей, меры, принимаемые для борьбы с холерой. В статье рассматриваются самые необычные и экстравагантные методы борьбы с холерой, поскольку медики имели мало информации о причине возникновения болезни и способах ее передачи. В статье анализируется психологическая реакция парижан на эпидемию и отмечается взаимосвязь между эпидемией холеры и ростом социальной напряженности в обществе и активизацией деятельности оппозиции, что выразилось в слухах об отравителях, быстро распространявшихся в условиях, когда врачи имели мало представлений о методах лечения и заражения, в пропаганде оппозиции и призывах к насилию, что в итоге привело к республиканскому восстанию 5–6 июня 1832 г. Также исследуется позиция властей и лично короля Луи-Филиппа и его действия в ходе подавления республиканского восстания. В статье делается вывод о том, что эпидемия холеры и республиканское восстание, а также восстание в Вандее под руководством герцогини Марии-Каролины Беррийской стали серьезным испытанием для режима Июльской монархии (1830–1848). Ключевые слова: история, Франция, эпидемия холеры 1832 г. в Париже, Июльская монархия, Ш. Ремюза, А. Дюма, Р. Аппоньи, Г. Гейне, Э. Сю, республиканское восстание 5–6 июня 1832 г.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Цитирование: *Таньшина Н.П.* Эпидемия холеры 1832 г. в Париже. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-145-166 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 145-166.

Поступила в редакцию: 08.03.2021

Принята к печати: 04.07.2021

*Natalia P. Tanshina**Russian Academy of National Economy
and Public Administration*

CHOLERA EPIDEMIC OF 1832 IN PARIS

The purpose of the article is to study the cholera epidemic in Paris in 1832 which became not only a tragedy for thousands of Parisians, but also a real shock for the regime of King Louis-Philippe of Orleans, which arose during the July Revolution of 1830. The source base of the article consists of documents of unofficial origin, primarily memoirs, diary entries, journalism, as well as fiction. The article is based on the works of Ch. Remusat, A. Dumas, R. Apponyi, E. Sue and G. Heine. The article analyzes the reaction of Parisians to the cholera epidemic, the position of the official authorities, and the cholera control measures. The article analyzes the psychological reaction of Parisians to the epidemic and notes the relationship between the cholera epidemic and the growth of social tension in the society and the revitalization of the opposition. This was manifested in rumors about poisoners, which quickly spread in an environment where doctors had little idea about the methods of treatment and infection, in opposition propaganda and calls for violence. As a result, this provoked a republican uprising on July 5-6, 1832. The author also examines the position of the authorities and personally of King Louis-Philippe and his actions during the suppression of the republican uprising. The article concludes that the cholera epidemic and the Republican uprising, as well as the uprising in Vendee under the leadership of Duchess Maria-Caroline of Berry, became a serious test for the regime of the July monarchy (1830-1848).

Keywords: cholera epidemic of 1832 in Paris, the July monarchy, Charles Remusat, A. Dumas, R. Apponyi, H. Heine, E. Sue, the Republican uprising in Paris 5-6 June 1832.

Acknowledgements: The article was prepared as part of the research work of the state task of RANEPА.

Citation: Tanshina, N. (2021). Epidemia kholery 1832 g. v Parizhe [Cholera epidemic of 1832 in Paris]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-145-166. *Annual of French Studies 2021*, vol. 54, p. 145-166.

История человечества – это, среди прочего, история болезней и история эпидемий. В 2020–2021 гг. мир столкнулся с пандемией коронавируса. В истории людям свойственно искать примеры то-

го, что уже случалось, и что человечество уже переживало, дабы легче переносить нынешние испытания. Поэтому проблематика болезней и эпидемий оказалась весьма востребованной в современном научном и медийном пространстве. Например, с самого начала пандемии коронавируса французы начали массово покупать «Чуму» Альбера Камю. Я же, занимаясь эпохой Июльской монархии, не могла не обратить внимание на такую важную тему, как эпидемия холеры в Париже в 1832 г. В свое время французский историк Ж. Лука-Дюбретон посвятил этому году замечательный очерк, озаглавленный «Великий страх 1832 года» с подзаголовком: «Холера и бунт». То есть для него даже восстание в Вандее 1832 г., вошедшее в историю как заговор герцогини Беррийской, отошло на второй план по сравнению с эпидемией холеры и республиканскими восстаниями¹.

Об этой грозной эпидемии осталось много документальных свидетельств как официального, так и неофициального характера. Помимо официальной статистики, а бюллетени ежедневно печатались в правительственной газете *Le Moniteur universel*, это многочисленные воспоминания и дневниковые записи, публицистика, оставленная свидетелями событий, а также художественные произведения, написанные как очевидцами событий, так и потомками. Именно источники личного происхождения и составили основу для написания этого очерка. Из мемуаров – это воспоминания Шарля Ремюза, политика и министра короля Луи-Филиппа; мемуары Александра Дюма, в те годы начинающего писателя и чиновника Июльской монархии (он, в частности, в 1831 г. был направлен с инспекцией в Вандею). Особый интерес представляет дневник австрийского дипломата, племянника посла Австрийской империи в Париже Рудольфа Аппоньи, поскольку это не воспоминания о былом, обобщенные спустя много лет, а ежедневная хроника событий. Столь же важны и наблюдения, сделанные знаменитым немецким поэтом Генрихом Гейне, проживавшим тогда в Париже и опубликованные в его «Французских делах». Из художественной литературы стоит особо выделить написанный в 1845 г. роман Эжена Сю «Вечный жид», где есть пронзительные по натурализму и драматизму страницы, посвященные этой эпидемии холеры, а также роман писателя XX в. Жана Жионо «Гусар

---

¹ О восстании 1832 г. в Вандее см.: *Таньшина Н.П.* Восстание в Вандее 1832 года, или Авантюра герцогини Беррийской. СПб., 2020.

на крыше», на которого огромное влияние оказало описание холеры Эженом Сю, и который свой роман об эпидемии на юге Франции, в Провансе и Марселе, создал, опираясь на многочисленные документальные источники.

Прежде всего, меня интересовала реакция людей на эту болезнь, слухи, домыслы, страхи, а также то, как эпидемию можно было использовать в политических целях, разжигая панику, сея страх и дестабилизируя ситуацию в стране. Все это мы наблюдаем и сегодня, и реакция людей на неизвестность абсолютно такая же, как и стремление манипулировать коллективными страхами и использовать ситуацию в политических целях. Поэтому обращение к этому опыту, на мой взгляд, представляется весьма ценным. Кроме того, случай с эпидемией холеры подтверждает, что реакция людей на такие бедствия одинакова во всех странах, и французы в 1832 г. вели себя точно так же, как русские годом раньше.

Итак, *холера morbus* пришла в Европу из Индии, где она появилась в 1815 г. В 1826 г. из Бенгалии болезнь стала распространяться дальше, в 1830 г. достигла России, а потом захлестнула Европу. В Париже холера появилась при ослепительном солнце в 20-х числах марта 1832 г. Вот как описывал ее приход в Париж Александр Дюма: «По улицам бежали люди, спеша вернуться домой, с криками: “Холера! Холера!”», как семнадцать лет назад кричали: “Казаки!”»² Первой жертвой болезни стал поваренок маршала Лобо, того самого, который в июне 1832 г. будет усмирять республиканский бунт³.

Однако поначалу жизнь в Париже особо не изменилась, и парижане надеялись, что столице эпидемия не грозит. Шарль Ремюза вспоминал о дне 31 марта, когда он вместе с Адольфом Тьером и Казимиром Перье прогуливался по саду Тюильри (во дворце Тюильри тогда находилась королевская резиденция): «День был замечательный, небо чистое, но дул северо-восточный ветер; было одно из тех металлических времен года, щекочущих нервы и обостряющих чувство жизни. Мы говорили о том, что, вероятно, это очень плохое время для холеры»⁴. Хотя, как отмечал Эжен Сю в примечаниях к своему роману, «памятно также, что северо-восточный ветер непрестанно дул во время самых больших бедствий»⁵, начиная с эпидемии чумы 1346 г.

² Dumas A. Mes Mémoires. Neuvième série. P., 1863. P. 151.

³ Bordonove G. Louis-Philippe. 1830-1848. Roi des Français. P., 2009. P. 81.

⁴ Rémusat Ch. Mémoires de ma vie. P., 2017. P. 114.

⁵ Сю Э. Ж. Вечный жид. М., 2015. Т. 1. С. 630.

Поначалу холера никак не повлияла и на светскую жизнь Парижа, хотя в романе Э. Сю «Вечный жид» сюжет, связанный с холерой, как раз начинается с описания случая так называемой скоротечной холеры у отца Родена, произошедшего в салоне княгини де Сен-Дизье. 2 апреля Рудольф Аппоньи записал в своем дневнике: «Первую новость о появлении холеры в Париже я узнал в тот же вечер среды, когда у нас был большой и многолюдный прием; это было время чая и бриошей, и это известие не помешало нам выпить чаю и съесть бриоши. Эта новость никого нисколько не испугала, разве только, совсем немного, поэтому ужины, рауты, спектакли, балы, концерты, – все шло своим чередом, без всяких изменений»⁶. Отмечу, что приемы, балы и утренники в австрийском посольстве были весьма популярны, а сам посольский особняк был одним из центров светской жизни, куда стремился попасть «весь Париж». Не особо изменилась ситуация и в последующие дни. 4 апреля Аппоньи записал: «Несмотря на холеру, вчера у нас было столпотворение. Единственное, на что я обратил внимание, это то, что чаю выпили в два раза больше, чем обычно»⁷.

Никто не хотел верить в серьезность ситуации и принимать беду. Генрих Гейне писал 19 апреля 1832 г., то есть уже в самый разгар эпидемии: «К этому бедствию отнеслись сперва тем беззаботнее, что, как сообщали из Лондона, холера уносит сравнительно мало жертв»⁸. О неготовности парижан к эпидемии и неосознании драматизма ситуации писал в своих мемуарах и Шарль Ремюза: «22 марта 1832 г. нас ожидало печальное и жестокое разочарование, потрясшее наше спокойствие и поколебавшее гордость за нашу цивилизацию. В Париж пришла холера... Нам рассказывали о чинимых ею бедствиях; нам предсказывали ее нашествие: мы слушали с любопытством, но без страха. Мы думали, что все эти страшные болезни, о которых рассказывали историки, остались в Средневековье. Они не могли проникнуть в наше современное общество; мы верили, что наш климат, гигиена, наши правила порядка, прогресс наук, – все это защитит нас от болезни. Разве мы могли допустить, что Париж, этот потрясающий город, станет жертвой индокитайской заразы, точно так же как несчастные города Востока? И потом, если эта зараза дошла до нас, то ведь она поразит только слабых и непредусмотрительных, только нищих и

⁶ *Apponyi R. de*. Journal. 1826–1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. P., 2008. P. 274.

⁷ *Ibid.* P. 274.

⁸ Гейне Г. Французские дела // Собр. соч. в 10 т. М., 1958. Т. 5. С. 312.

халатных. Все те, кому достаток и образование позволяют соблюдать гигиену, не поддадутся этой болезни, печальной привилегии бедняков. Знали бы мы, какое жестокое разочарование нас ждет»⁹. Даже в середине апреля, как писал Аппоньи, все «были в твердом убеждении, что Парижу холера не страшна. Слушая наших медиков, все были уверены, что они вылечат нас от холеры, как от обычного насморка»¹⁰.

В целом же, как уже было отмечено, преобладало мнение, что холера – удел простолюдинов и бедняцких кварталов. А Париж до реконструкции барона Османа был городом крайне некомфортным для проживания миллионного населения. Отсутствие нормальной канализации; высокие дома, лишённые света и свежего воздуха; узкие и грязные улицы – все это делало Париж очень нездоровым городом, особенно в бедных кварталах, население которых к тому же плохо питалось¹¹.

Поскольку о болезни было практически ничего не известно, принимаемые меры предосторожности носили, скорее, условный и символический характер. Вот что в начале апреля записал Рудольф Аппоньи: «Единственная принятая нами мера предосторожности, которая даже стала модной, заключалась в том, чтобы иметь при себе саше с камфорой, которые красивые дамы дарили юным кавалерам, а также маленькие коробочки с пастилками, пропитанными мятой и ромашкой. Считалось хорошим тоном носить такую маленькую коробочку в кармане своего жилета и время от времени вдыхать ее аромат»¹². Очень быстро камфора стала предметом нелегальной торговли и продавалась аптекарями на «черном рынке»¹³.

Считалось, что есть надо меньше, хотя современным медикам известно, что, наоборот, важно, чтобы вырабатывался желудочный сок, а это происходит именно при приеме пищи. Генрих Гейне в этом плане был более «продвинутым» и писал: «Хорошая диета тоже не может повредить, только опять-таки не надо есть слишком мало, как иные люди, которые ночью боли от голода принимают за начало холеры. Забавно видеть, с какой трусостью люди садятся сейчас за стол и как недоверчиво смотрят на самые человеколюбивые»

⁹ *Rémusat Ch.* Op. cit. P. 114.

¹⁰ *Apponyi R.* Op. cit. P. 282.

¹¹ *Chasteney J.* Une Époque de contestation: La Monarchie bourgeoise. 1830-1848. P., 1976. P. 190.

¹² *Apponyi R.* Op. cit. P. 274.

¹³ *Bordonove G.* Op. cit. P. 81.

вые яства и с глубокими вздохами глотают самые лакомые куски»¹⁴. Считалось, что вред причиняют определенные продукты, поэтому, как писал Р. Аппоньи, «мы отказались от воды со льдом, салата, трюфелей и мороженого; все остальное было как обычно»¹⁵.

Кроме того, считалось, что холера опасна только для тех, кто не соблюдает предписанный врачами режим. Так, например, общал Аппоньи, посол России во Франции граф Ш.-А. Поццо ди Борго избежал болезни именно потому, что следовал предписаниям медиков. Он записал в дневнике: «5 апреля графиня Буань (Адель де Буань – светская дама, хозяйка влиятельного салона эпохи Реставрации и Июльской монархии, подруга Поццо ди Борго. – *Н.Т.*) нам рассказала, что российский посланник не был болен только потому, что принял все необходимые меры предосторожности против холеры, а именно расставил четыре плошки с хлором в одной комнате и пребывал в тепле»¹⁶. Хлор и тепло – тоже важнейшие тогдашние средства борьбы с болезнью.

О необходимости соблюдать режим писал и Шарль Ремюза. Он отмечал, что каждый здоровый человек, если он начинал о себе заботиться при первых симптомах заболевания, избегал переутомления, переохлаждения, следовал предписанному режиму, оставался в постели, то болезнь быстро отступала и рецидивов не было. По словам Ремюза, эту ситуацию он наблюдал как в 1832 г., так и в 1849 г.¹⁷ Однако, продолжал он, огромное количество людей не обращало внимание на легкое недомогание. Более того, люди отказывались признаться в наличии первых симптомов своему доктору, друзьям, даже самим себе, и тому было объяснение. Ведь один из важнейших советов докторов сводился к тому, чтобы не беспокоиться и не сердиться. Как писал Гейне, «врачи сказали им, что не надо бояться и не надо сердиться. Но вот теперь они боятся, как бы не рассердиться невзначай, и сердятся, так как испытывают страх»¹⁸. Поэтому, как отмечал Ш. Ремюза, люди себе говорили: «Ничего страшного; иначе, если будешь беспокоиться, совсем разболеешься. Из-за страха беспокоиться не боялись болезни и умирали, избегая всяких мыслей о смерти»¹⁹.

¹⁴ Гейне Г. Указ. соч. С. 312.

¹⁵ *Apponyi R.* Op. cit. P. 274.

¹⁶ *Ibid.* P. 278.

¹⁷ *Rémusat Ch.* Op. cit. P. 118.

¹⁸ Гейне Г. Указ. соч. С. 320.

¹⁹ *Rémusat Ch.* Op. cit. P. 118.

Однако, независимо от состояния духа парижан, болезнь распространялась с молниеносной быстротой, за несколько дней после начала эпидемии совершив удручающий прогресс, провоцируя ужас и гнев среди населения. Вскоре каждый день в Париже насчитывалось более двухсот жертв холеры, а в разгар эпидемии умерших было семьсот-восемьсот человек. Как записал 4 апреля, то есть еще в начале эпидемии, Аппоньи, «прогресс болезни был особенно заметен между вчерашним и позавчерашним днями. Если позавчера всего лишь чуть больше пятидесяти случаев, то вчера уже двести»²⁰.

Вот что писал об этих днях Эжен Сю: «Страшные дни! Париж, еще недавно такой веселый, облекся в траур. А солнце никогда, кажется, не блистало так ярко, небо никогда не было таким ясным и синим. Странный и таинственный контраст представляли эта ясность и спокойствие природы с ужасами опустошения, производимого смертоносным бичом. Под беспечным светом солнца еще заметнее выступал тоскливый страх. Все дрожали – кто за себя, кто за близких. На всех лицах виднелось какое-то беспокойное, удивленное, лихорадочное выражение»²¹.

Между тем врачи совсем не знали, как лечить холеру и терялись в догадках. Аппоньи писал: «Один доктор мне сказал: “Ешьте, пейте все, что вы хотите, без всяких исключений; наконец, живите обычной жизнью и вы не подхватите холеру, если у вас нет к ней предрасположенности. Но если предрасположенность есть, то ничто в мире вас не спасет. Вы станете жертвой азиатской холеры и умрете, ибо никто после нее не выздоравливал”»²². Он также сообщал, что «до настоящего времени медикам очень не везло в их попытках излечить больных; они мрут, как мухи, а врачи ничего не понимают в этой болезни. Кореф (медик австрийского посольства. – Н.Т.) сказал мне вчера, что вскрытия ничего не проясняют, что утром он вскрыл десять трупов, но не нашел никаких симптомов поражения внутренних органов, и что в этой болезни непонятно абсолютно все»²³.

Поэтому лечились, кто чем мог, в том числе в зависимости от своих политических пристрастий и религиозных предпочтений. Как писал Гейне, кто-то из рациональных французов вспомнил о

²⁰ *Apponyi R.* Op. cit. P. 277.

²¹ *Сю Э. Ж.* Указ. соч. С. 646.

²² *Apponyi R.* Op. cit. P. 281.

²³ *Ibid.* P. 279-280.

католицизме и верил в эту «больничную религию»; священники же утверждали, что четки – лучшее средство против холеры. Сенсимонисты верили в свою неуязвимость, поскольку были носителями идеи прогресса; бонапартисты утверждали, что стоит только поднять глаза к Вандомской колонне, как болезнь отступит. «Что до меня, – писал Гейне, – я верю во фланель»²⁴. Во фланель – то есть во фланелевые набрюшники и теплую одежду, также рекомендованные врачами. Гейне писал: «Ведь живем мы уже не в старые времена шлемов и лат воинственного рыцарства, но в мирное мещанское время теплых набрюшников и фуфаяк. Мы живем не в железном веке, а во фланелевом... Сам я по шею закутан во фланель и поэтому считаю себя защищенным от холеры. Король тоже носит набрюшник из самой лучшей мещанской фланели»²⁵. Сама королева Мария-Амелия шила набрюшники. По словам Гейне, «все королевское семейство также показало себя в это безотрадное время с самой похвальной стороны. Когда вспыхнула холера, добрая королева созвала своих друзей и слуг и оделила их набрюшниками из фланели, сшитыми большей частью ею самой»²⁶. Король Луи-Филипп, отмечал писатель, «в дни всеобщего бедствия роздал бедным гражданам много денег и проявил сострадательность и большое гражданское благородство»²⁷.

Несмотря на начавшуюся панику и бегство из города, королевская семья осталась в Париже. Как записал 5 апреля в своем дневнике Аппоньи, навестивший королеву в Тюильри, «ни она, ни король, никто в королевской семье не изменил своим привычкам. Они даже не прекращали пить воду со льдом во время и между приемами пищи. Ее величество заявили нам, что прежде всего, не надо ничего менять в привычном образе жизни, и их медик рекомендовал им то же самое»²⁸. Правда, от мадам Аделаиды, сестры короля, австрийский дипломат узнал, что шесть человек из королевской прислуги заболело, и из них двое умерли²⁹.

Для борьбы с холерой использовали и такое нетривиальное средство, как Карнавал холеры, о чем писали Эжен Сю и Генрих Гейне. Гейне сообщал: «Сперва как будто даже собирались под-

²⁴ Гейне Г. Указ. соч. С. 320.

²⁵ Там же. С. 319.

²⁶ Там же. С. 318-319.

²⁷ Там же. С. 319.

²⁸ *Apponyi R.* Op. cit. P. 278.

²⁹ Ibid.

нять холеру на смех и думали, что она, как и всякая знаменитость, не сможет поддержать здесь свой престиж»³⁰. Тем более, что об эпидемии было официально объявлено 29 марта, в «жирный четверг», день общественных увеселений. А вот как описывал приближение карнавального шествия к собору Парижской Богоматери Эжен Сю: «В эту самую минуту издали донеслись громкие звуки веселой музыки, и все ближе и ближе из-за стен больницы стали слышны приближающиеся крики: Карнавал Холеры! Эти слова возвещали об одном из тех эпизодов, шутовских, ужасных и почти невероятных, которыми было ознаменовано время наибольшего разгара эпидемии»³¹. Правда, по словам Генриха Гейне, потом этих ряженых прямо в маскарадных костюмах направляли в Отель-Дё, главный холерный госпиталь, а оттуда – на кладбище: «... Всех этих мертвецов похоронили, говорят, столь поспешно, что не сняли с них даже пестрых шутовских нарядов, и такие же веселые, как весела была их жизнь, они лежат и в своих могилах»³².

Власти пытались принимать меры, прежде всего, санитарного характера, учитывая, что городская среда была хорошей почвой для быстрого распространения смертоносных вибрионов холеры, а сама эпидемия благоприятствовала росту социальной нестабильности. Была создана Санитарная комиссия; повсюду были организованы Бюро помощи; было принято постановление об общественной гигиене. По распоряжению правительства в публичных местах размещались резервуары с хлорированной водой³³.

Кроме того, в самом начале эпидемии власти решили поручить вывоз мусора из Парижа специальным компаниям, дабы он не залеживался на улицах. Между тем, эта очень нужная мера спровоцировала бунт тряпичников, как писал Гейне, «нескольких тысяч человек, считающих общественную грязь своим достоянием»³⁴. Причем этих людей вовсе не лишили средств к существованию, поскольку тряпичники могли сколько угодно рыться в мусоре, вывезенном за город. Однако они, как писал Гейне, «стали жаловаться, что если их и не лишают хлеба, то мешают их промыслу, что промысел этот – их давнишнее право, почти собственность, кото-

³⁰ Гейне Г. Указ. соч. С. 312.

³¹ Сю Э. Ж. Указ. соч. С. 651.

³² Гейне Г. Указ. соч. С. 312–313.

³³ *Rémusat Ch.* Op. cit. P. 117.

³⁴ Гейне Г. Указ. соч. С. 313.

рую у них произвольно хотят отнять»³⁵. Поскольку жалобы остались без ответа, тряпичники «попытались устроить маленькую контрреволюцию, и притом в союзе со старыми бабами, старьевщицами, которым было запрещено раскладывать вдоль набережных и перепродавать зловонные лоскутья, купленные большею частью у тряпичников. И вот мы увидели омерзительнейшее восстание: новые ассенизационные повозки были разбиты и брошены в Сену; тряпичники забаррикадировались у ворот Сен-Дени; старухи ветошницы сражались большими зонтами на площади Шатле»³⁶. Как записал в своем дневнике 2 апреля Аппоньи, мусорщики «крушили мусорные повозки новой компании и сбрасывали их в Сену, довольные, если лошадь и возницу ожидала та же участь»³⁷.

Бунт тряпичников был подавлен, причем с применением войск, о чем сообщал в своем дневнике Аппоньи. Вечером 3 апреля, возвращаясь домой после концерта в одном из салонов, он решил проехать по городу и везде увидел войска; в тот же вечер был отменен прием у королевы из-за беспорядков на улицах³⁸. Холера, тем временем, продолжала бушевать, и по городу пронеслись слухи, будто многие из тех людей, которых с такой поспешностью предавали земле, умирали вовсе не от болезни, а от отравления. Как писал Гейне, утверждали, что «яд будто бы умудрились подмешать во все припасы – на овощных рынках, в булочных, в мясных, в винных лавках. Чем диковиннее были рассказы, тем с большей жадностью подхватывал их народ»³⁹.

Появление слухов об отравителях закономерно, ведь в эпоху, когда не были известны причины болезни, ее молниеносное распространение сеяло ужас и подозрения. Доверчивая толпа не довольствовалась естественным объяснением болезни: ей нужно было найти криминальное объяснение. И так было во всех странах, где свирепствовала холера: психология людей одинакова.

Масла в огонь подлила сама полиция, точнее, уведомление префекта полиции Жиске, о том, что она уже напала на след отравителей. Префект полиции заявил, что отравления – дело рук оппозиции, пытавшейся дестабилизировать ситуацию. Якобы именно

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 314.

³⁷ *Аппоньи Р.* Op. cit. P. 275.

³⁸ *Ibid.* P. 275-276.

³⁹ *Гейне Г.* Указ. соч. С. 314.

оппозиция устраивала мнимые отравления или даже предпринимала настоящие попытки отравить общественные фонтаны, дабы отчаявшийся народ обвинил в этом правительство⁴⁰. По словам Гейне, такое уведомление полиции, которой в Париже, как и везде, «менее важно предупредить преступление, чем знать о нем.., официально подтвердило зловещий слух, и весь Париж впал в смертельное, полное ужаса отчаяние»⁴¹.

Как записал 4 апреля Аппоньи, по Парижу распространялись слухи, будто отравления – дело рук противников режима, оппозиционных партий, которые, «видя, что холера не достаточно сеет панику в населении, сознательно стремились увеличить смертность, травя воду, фонтаны и т.д.; якобы доходили до бесчеловечности, раздавая на улицах отравленные конфеты и печенья и давая их детям, которые, съев их, умирали в страшных мучениях»⁴².

8 апреля Аппоньи отметил в дневнике: «Население Парижа постоянно подтверждает мнение, что народ во всех странах ведет себя одинаково; при всех обстоятельствах он впадает в одни и те же крайности. Медики Парижа, как, впрочем, и везде, были объектом самых жестоких подозрений. Здесь, как и у нас (имеется в виду Австрия – *Н.Т.*), как и в России, как и повсюду, не хотят верить в холеру; кричат о яде, говорят, что надо освобождать больных из госпиталей, где их убивают. Оппозиция воспользовалась народным страхом, чтобы сеять беспорядки и панику»⁴³.

Французов охватил массовый психоз. В смертельном заговоре обвиняли республиканцев, шуанов, богачей, священников, «врагов Июльской революции», евреев, псевдоврачей или сестер милосердия, хотя, как писал А. Дюма, врачи были героями, а сестры – святыми или мученицами⁴⁴. Вот как описывал атмосферу на площади перед Отель-Дьё Эжен Сю: «Толпа в довольно значительном количестве жалась к решетке больницы, за которой стоял, выстроившись, пикет пехотинцев, так как крики “Смерть врачам” принимали угрожающие размеры. Конечно, вся эта орущая толпа состояла из праздношатающихся, лодырей и развращенных бродяг, – словом, из подонков Парижа... Всего ужаснее было то, что больные вынуждены были слышать и видеть эту отвратительную шайку, так как их надо

⁴⁰ *Rémusat Ch.* Op. cit. P. 115.

⁴¹ *Гейне Г.* Указ. соч. С. 314 -315.

⁴² *Apponyi R.* Op. cit. P. 277.

⁴³ *Ibid.* P. 279.

⁴⁴ *Dumas A.* Op. cit. P. 152-153.

было проносить в больницу сквозь толпу, с ее мрачными призывами к смерти. А больных подносили ежеминутно на носилках и просто на досках. Носилки были снабжены занавесами, а больные, лежавшие на досках, часто в судорогах срывали с себя одеяла, и все видели тогда их искаженные, мертвенные лица. Это страшное зрелище, однако, не пугало негодяев, собравшихся у больницы. Они с варварской жестокостью издевались над умирающими и громко предсказывали страшную участь, какая их будто бы ждет в руках врачей...»⁴⁵

Подозрения пали даже на само правительство. Якобы власти намеренно отправили воду в городских фонтанах и вино в бочках виноторговцев, дабы прекратить быстрый рост населения столицы⁴⁶. Легитимистские листовки объясняли эпидемию просто: «божественная холера» – это наказание Парижу за его коррупцию и «брутальные наслаждения»⁴⁷, хотя именно легитимисты прежде всего и попадали под подозрение. Как писал Гейне, «... карлисты [карлистами называли сторонников Карла X и в целом сторонников легитимной династии Бурбонов – *Н.Т.*], пожалуй, свалились в яму, которую они рыли правительству; отнюдь не ему, и еще менее республиканцам, приписывались отравления, а именно этой партии...»⁴⁸

В Париже то и дело случались расправы толпы над «отравителями». Бывали случаи, когда безвинных прохожих, несших в руках склянку из аптеки, жестоко убивали и сбрасывали в Сену. Как писал Аппоньи, одного такого «отравителя» сбросили с Нового моста, но к счастью для него, он был прекрасным пловцом и поплыл к мосту Искусств. Народ, собравшийся на набережных и мостах, только что улюлюкавший: «В воду! В воду!», теперь ему неистово аплодировал. Бедолаге пришли на помощь и с триумфом провели по улицам в надежде, что он заразится холерой. Однако тот, по словам дипломата, счастливо избежал этой участи⁴⁹.

Гейне писал: «Народ собирался кучками и совещался главным образом на перекрестках, где находятся выкрашенные в красный цвет винные лавки, и там-то всего чаще обыскивали людей, возбуждавших подозрение, и горе им, если в их карманах оказывалось что-нибудь подозрительное! Словно дикий зверь, словно толпа безумных, набрасывался на них народ. Очень многие спаслись только

⁴⁵ Сю Э. Ж. Указ. соч. С. 648.

⁴⁶ Dumas A. Op. cit. P. 153.

⁴⁷ Brégeon J.-J. La Duchesse de Berry. P, 2009. P. 202.

⁴⁸ Гейне Г. Указ. соч. С. 317.

⁴⁹ Apponyi R. Op. cit. P. 279.

благодаря присутствию духа; многие избежали опасности благодаря мужеству муниципальной гвардии, ходившей в тот день патрулями по всему городу; многие были тяжело ранены и искалечены; шесть человек безжалостно убиты. Нет зрелища более ужасного, чем ярость народа, жаждущего крови и расправляющегося со своими беззащитными жертвами... На улице Сен-Дени я услышал знаменитый старый клич: “à la lanterne!” («На фонарь!»), – знаменитый лозунг времен Революции XVIII в. – *Н.Т.*) – и несколько исступленных голосов стали мне рассказывать, что вешают отравителя»⁵⁰.

По словам Аппоньи, два торговца вином уверяли его, будто полицейские агенты советовали им внимательно наблюдать за всеми, кто придет к ним в лавку попросить стакан воды; улучив момент, эти люди бросают яд в фонтаны магазинов. Как писал дипломат, в одном кафе на улице Пти-Шан, якобы, поймали такого несчастного в тот самый момент, когда он бросал пакетик с белым порошком в один из фонтанов, и при нем обнаружили двенадцать пакетов с аналогичным порошком, в котором признали мышьяк⁵¹.

Шарль Ремюза просто не мог поверить, что все это происходило в цивилизованном Париже: «Мы читали в газетах, что в некоторых городах России и Германии совершались акты жестокости, вызванные эпидемией холеры, что там распространялись абсурдные идеи о яде и отравителях и были акты агрессии против мнимых отравителей. Эти ужасы темных веков нам казались находящимися далеко от нас; однако, они стали проявляться в Париже. В народных кварталах были ужасные происшествия и царило жуткое возбуждение»⁵².

Этой нестабильностью пользовались противники Луи-Филиппа, призывая к открытому насилию против властей. Ночью 3 апреля, объезжая Париж, Аппоньи увидел такую афишу, наполовину сорванную властями: «Возьмите двести голов в палате ээров, сто пятьдесят в палате депутатов, такие какие вы пожелаете: Перье, Себастьяни, Аргу, Филиппа [имеется в виду король Луи-Филипп – *Н.Т.*] и его сыновей, покатайте эти головы по площади Революции, и воздух Франции очистится. Подпись: Июльский укрощенный» (речь идет о жертвах Июльской революции 1830 г. – *Н.Т.*)⁵³.

При этом, как отмечалось выше, сами власти допускали, что, возможно, и имели место случаи провокаций, когда для того, что-

⁵⁰ Гейне Г. Указ. соч. С. 315.

⁵¹ Apponyi R. Op. cit. P. 277.

⁵² Rémusat Ch. Op. cit. P. 115.

⁵³ Apponyi R. Op. cit. P. P. 276.

бы посеять в обществе панику, могли подсыпать в воду какой-нибудь безобидный порошок. Как писал Гейне, «... по убеждению наиболее осведомленных лиц, никаких отравлений не было. Может быть, отравления были инсценированы, может быть, в самом деле наняли нескольких горемык, которые посыпали жизненные припасы разными безвредными порошками, чтобы посеять волнение в народе и рассердить его»⁵⁴. Ш. Ремюза на страницах своих мемуаров приводит разговор, состоявшийся у него 5 апреля с главой кабинета Казимиром Перье, который был убежден, что все случаи «отравлений» – провокации. «В этом есть система, – говорил он, – все это подготовлено, это сделано человеческой рукой». Ремюза спросил, кого он мог подозревать, и Перье ответил, что это мог быть король Нидерландов Вильгельм, недовольный решением бельгийского вопроса на Лондонской конференции. Перье обвинял его в том, «что тот пытается всеми средствами возбудить повсюду беспорядок, чтобы, пользуясь всеобщим кризисом, избежать необходимости уступок, налагаемых на него Европой»⁵⁵.

Как раз на следующий день после этого разговора Ремюза узнал, что Перье заболел холерой. Дело в том, что 1 апреля Казимир Перье вместе с наследником престола, герцогом Фердинандом Орлеанским, посетил главный госпиталь для холерных больных Отель-Дьё. Перье, политик сильный и властный, стремившийся к самостоятельной власти, за что его не любил король Луи-Филипп, не мог допустить того, чтобы герцог Орлеанский совершил такой смелый поступок, а он – нет. Поэтому, как писал Ремюза, никто и не подумал его отговаривать, хотя посещение госпиталей не входило в компетенцию главы кабинета⁵⁶. На следующий день оппозиционная пресса писала, что принц и министр хотели лишь посмеяться над народом, разглядывая вблизи его нищету⁵⁷. После этого визита Перье рассказывал Ремюза, что увиденное им было не таким ужасным, как он ожидал, а лица больных не были так искажены гримасой страдания, как в случаях других серьезных болезней⁵⁸.

Однако 4 апреля Казимир Перье слег. Как писал Ш. Ремюза, сначала эту новость скрывали, потом о ней начали шептаться в

⁵⁴ Гейне Г. Указ. соч. С. 316–317.

⁵⁵ *Rémusat Ch.* Op. cit. P. 115. В это время как раз обсуждалась на конференции в Лондоне бельгийская проблема, возникшая после революции 1830 г. в Брюсселе и отделения Бельгии от Нидерландского королевства.

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ *Chastenet J.* Op. cit. P. 190.

⁵⁸ *Rémusat Ch.* Op. cit. P. 115.

Палате депутатов. 8 апреля новость о болезни главы кабинета была опубликована в *Journal des Débats* и произвела огромный политический и моральный эффект, воодушевив оппозицию, полагающую, что король без министра окажется бессильным, и посеяв панику в душах парижан: теперь вдруг все поняли, что болезнь не знает социальных границ, и никто от нее не застрахован. Как писал Шарль Ремюза, «с этого момента никто больше не был спокоен и страх, или, по крайней мере, беспокойство, стало всеобщим»⁵⁹.

Вскоре заболела жена Казимира Перье, а также сестра короля, мадам Аделаида, министры Аргу и Гизо, но они выздоровели к концу апреля. Перье, казалось, тоже пошел на поправку, по крайней мере, у него исчезли симптомы холеры, и все рассчитывали на его выздоровление. 9 апреля Аппоньи записал в своем дневнике: «Казимир Перье, кажется, спасен. Медик Бруссе лечил его пивяками и толченым льдом в больших дозах»⁶⁰. Правда, продолжает дипломат, «на самом деле, медики ничего не понимали в лечении, и, если больной не умирал, то это было делом чистой случайности»⁶¹.

Однако протекание холеры обостряли хронические заболевания, и в случае Перье именно так и произошло: по словам Ремюза, у него было хроническое заболевание кишечника. К концу апреля уже не надеялись, что он сможет остаться министром и сомневались, что он выздоровеет. Перье официально сохранял руководство министерством, хотя делами не занимался.

Апрель оказался для Парижа страшным месяцем, особенно дни между 9 и 25 числами. Как писал Ш. Ремюза, «с каждым днем Париж казался всё более мрачным и опустошенным. Улицы и публичные места обезлюдели, повсюду виднелись знаки траура, и их становилось все больше и больше»⁶². В церквях шли бесконечные мессы. Э. Сю писал: «Каждую минуту в глаза бросалось нечто странное и страшное: по улицам двигались телеги, симметрично нагруженные гробами; они останавливались у ворот, люди, одетые в серое с черным, ждали, протянув руки, и им передавали один, два, три, а то и четыре гроба из одного дома. Иногда запас гробов заканчивался, и многие из умерших на улице оставались необслуженными. Чуть ли не во всех домах слышался оглушительный стук молотков. То заколачивали гробы. И столько было

⁵⁹ Ibid. P. 116.

⁶⁰ *Apponyi R.* Op. cit. P. 280.

⁶¹ Ibid.

⁶² *Rémusat Ch.* Op. cit. P. 117.

работы, что иногда руки заколачивающих опускались в изнеможении. Тогда слышны были стоны, крики отчаяния, проклятия»⁶³.

А. Дюма писал: «О, кто видел Париж в это время, не забудет его никогда, с его нестерпимо голубым небом, сияющим солнцем, пустынными променадами, безлюдными бульварами, улицами, переполненными катафалками и призраками». По словам Дюма, создавалось ощущение, будто в Париже в это время умирали только от холеры⁶⁴. Порой смерти были настолько скоротечны и неожиданны, что, как с горькой иронией отмечал писатель, при расставании следовало, на всякий случай, говорить не «до свидания», а «прощай»⁶⁵. Больной, точнее, «приговоренный к смерти», умирал за три часа или того быстрее⁶⁶. Вот что писал Эжен Сю: «Все куда-то торопились, точно думая, что быстрым шагом можно убежать от опасности, и всякий в беспокойстве спешил скорее к себе домой, потому что нередко, уходя, там оставляли жизнь, здоровье и счастье, а два часа спустя находили уже смерть, агонию и отчаяние»⁶⁷. Так, от скоротечной холеры умерла дочь известного политика Луи Моле.

Газеты сообщали, что за день тогда умирало по семьсот-восемьсот человек, а в середине апреля – до тысячи, и Париж, по словам Дюма, мог превратиться в «огромную скотобойню»⁶⁸. Но парижане не верили информации из газет. Как отмечал Гейне, «то обстоятельство, что это число в точности никогда не было известно, вернее, что все убеждены были в неправильности объявляемой цифры, наполняло сердца смутным ужасом и делало тревогу беспредельной. И действительно, газеты признались впоследствии, что в один день, именно 10 апреля, умерло около двух тысяч человек. Народ не желал поддаваться официальному обману и все время жаловался, что людей умирает больше, чем пишут»⁶⁹. Из окна своего дома на улице Сен-Лазар Александр Дюма видел, как каждый день пятьдесят-шестьдесят катафалков направлялись на кладбище Монмартр⁷⁰.

Вскоре катафалков стало не хватать, и, как писал Эжен Сю, «за гробами являлись импровизированные погребальные экипажи: телеги, фургоны для мебели, тележки, фиакры, кареты – все служило

⁶³ Сю Э. Ж. Указ. соч. С. 646.

⁶⁴ Dumas A. Op. cit. P. 155.

⁶⁵ Ibid. P. 156.

⁶⁶ Ibid. P. 151.

⁶⁷ Сю Э. Ж. Указ. соч. С. 646.

⁶⁸ Dumas A. Op. cit. P. 155.

⁶⁹ Гейне Г. Указ. соч. С. 320.

⁷⁰ Dumas A. Op. cit. P. 156.

для перевозки страшной клади»⁷¹. Гробы везли даже в артиллерийских фургонах. Как писал Гейне, «куда, бывало, ни взглянешь, всюду на улицах видны были похоронные процессии или – что представляет зрелище еще более печальное – дроги с покойниками, никем не сопровождаемые»⁷². Дело в том, что вскоре люди перестали провожать своих близких в последний путь, а просто выносили гроб к дверям. Когда гробов стало не хватать, покойников клали в мешки и выносили к дверям⁷³. Потом эти мешки сваливали кучей в мебельные или артиллерийские фургоны и везли на кладбища. Г. Гейне однажды отправился на кладбище Пер-Лашез, проводить в последний путь своего знакомого, и там его взору открылось страшное зрелище: «Щадя нервы читателя, я не буду здесь описывать, что я видел на Пер-Лашез. Достаточно сказать, что я, человек закаленный, не мог не поддаться глубочайшему ужасу. Можно у смертного ложа больного научиться умирать и потом с ясным спокойствием ожидать смерти. Но с мыслью о погребении среди холерных трупов, в ямах, засыпанных известью, – с этой мыслью нельзя свыкнуться»⁷⁴.

16 мая после продолжительной агонии умер Казимир Перье. Некоторые говорили, что он умер вовремя. Возможно, таково было мнение короля. Аппоньи записал в своем дневнике: «Говорят, король не был опечален, избавившись от опеки своего первого министра»⁷⁵. Аппоньи привел такие слова короля: «Все, что делалось хорошего, приписывалось Казимиру Перье. А неудачи перекладывались на меня; сегодня, по крайней мере, увидят, что я царствую один, совсем один». Исключая мадам Аделаиду, – уже от себя добавляет австрийский дипломат⁷⁶. По словам Шарля Ремюза, спустя шесть недель после смерти Перье король сказал Талейрану: «Перье умер. Это плохо?» И ответа на этот вопрос, продолжает Ремюза, у короля не было⁷⁷.

Тем временем эпидемия пошла на спад. 4 мая Аппоньи записал: «Можно считать, что холера закончилась. Количество смертей стало почти нормальным»⁷⁸. Однако если холера пошла на спад, то социальная обстановка только накалялась. Париж оставался неспокоен, и противники Луи-Филиппа использовали эпи-

⁷¹ Сю Э.Ж. Указ. соч. С. 646.

⁷² Гейне Г. Указ. соч. С. 321.

⁷³ Bordonove G. Op. cit. P. 81.

⁷⁴ Гейне Г. Указ. соч. С. 322.

⁷⁵ Apponyi R. Op. cit. P. 287.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Rémusat Ch. Op. cit. P. 118-119.

⁷⁸ Apponyi R. Op. cit. P. 285.

демию для дискредитации правительства. Сначала это были листовки, призывы к насилию, ссылки на мнимых или реальных отравителей, а потом – самый настоящий бунт.

Луи-Филиппу в это время грозила опасность с двух флангов: со стороны легитимистов (в это самое время герцогиня Мария-Каролина Беррийская высадилась в Марселе в надежде поднять на восстание Вандею) и со стороны республиканцев. 18 мая генерал М.-Ж. Лафайет возглавил большой банкет в Нейи, на котором раздавались крики: «Да здравствует республика!». Журналисты подливали масла в огонь, считая, что правительство не сможет одновременно бороться против легитимистов на Западе и республиканцев в Париже. Такое взаимодействие легитимистов и республиканцев было исключительным. Единственной целью и тех, и других, было свержение Луи-Филиппа. Он оказался между двух огней, а в своей собственной партии, между двумя флангами либерализма – сторонниками Движения и Сопrotивления⁷⁹.

Сразу после смерти К. Перье была опубликована работа «Отчет депутатов оппозиции», авторы которой, Л.-М. Корменен и Одилон Барро, собрали около ста пятидесяти подписей в Палате депутатов. Этот документ был настоящим обвинительным актом против правительства. Июльская революция должна была обеспечить торжество принципов 1789 года, а вместо этого, утверждали депутаты, правительство не выполнило своих обещаний и лишь мешало осуществлению мер, предлагавшихся оппозиционными депутатами. Отчет вызвал бурную реакцию и в Париже, и в департаментах, в ряде которых вспыхнули беспорядки, потребовавшие вооруженного подавления⁸⁰.

До начала июня республиканцы не рисковали взяться за оружие. Похороны убитого на дуэли молодого математика Эвариста Галуа, состоявшиеся 2 июня 1832 г., стали своего рода репетицией, позволив республиканцам посчитать свои силы. Полиция предвидела волнения, однако ничего опасного не произошло: траурная процессия была внушительной, но молчаливой. Лидеры республиканцев выжидали; и тут пришла новость о смерти от холеры генерала Максимилиана Ламарка, храброго солдата Империи, оппозиционного депутата и страстного оратора. Он стал симво-

⁷⁹ Bordonove G. Op. cit. P. 82. Движение и Сопrotивление – два фланга орлеанизма. Если сторонники Сопrotивления считали, что необходимо остановиться на достигнутом, то сторонники политики Движения настаивали на дальнейшем продолжении реформирования французского общества и активной внешней политике.

⁸⁰ Кареев Н.И. История Франции в XIX веке. М., 2011. С. 141.

лом оппозиции; после Ватерлоо не прекращал бороться с правительством, выступая против его миролюбивого курса, соединяя в своих словах и действиях бонапартизм и республиканизм. Кроме того, он был превосходным публицистом. Когда он заболел, то сказал перед смертью: «Я умираю с чувством сожаления, что не отомстил за позорные трактаты 1815 года»⁸¹. Эти слова стали популярными и широко разошлись в народе; также стали распространяли портреты Робеспьера⁸².

Как писал Шарль Ремюза, «Июньское восстание не было порождено какими-то определенными причинами, не являлась следствием конкретных и недавних актов властей. Оно было результатом заговорщицких страстей, перевозбуждения давним недовольством, ложных надежд и благоприятного стечения обстоятельств, а именно смерти Перье и ослабления правительства...»⁸³ Виктор Гюго в своем романе «Отверженные» превратил этот бунт в настоящую эпопею.

Похороны Ламарка были назначены на 5 июня, но правительство не видело в них опасности, хотя уже 4 июня в Менильмонтане собирались люди во фригийских колпаках, атрибутах революции. Лидеры республиканцев проводили в Париже полуподпольные собрания. Однако король и его семья спокойно отправились в Сен-Клу, не веря в серьезность ситуации и полагая, что похороны Ламарка пройдут так же спокойно, как и похороны Эвариста Галуа.

Между тем, пасмурный и дождливый день 5 июня оказался совсем не мирным. Предварительно была проведена пропагандистская работа, в которой участвовали бонапартисты, республиканцы и легитимисты. В результате огромная толпа собралась в предместье Сент-Оноре, где находилась похоронная контора. Здесь буржуазные рединготы, униформа бывших солдат Империи, студенческие куртки смешивались с рабочими блузами и колоритными костюмами польских беженцев. Из-под одежды собравшихся часто выглядывало оружие. Люди были не столько опечалены, сколько разгневаны, ведь эпидемия холеры, хотя и пошла на спад, свирепствовала, особенно в бедных кварталах, и обида была готова перерасти в насилие⁸⁴.

За кагафалком Ламарка с самого начала пути следовало более ста тысяч человек: национальные гвардейцы, левые буржуа, рабо-

⁸¹ *Bordonove G.* Op. cit. P. 83.

⁸² *Ibid.*

⁸³ *Rémusat Ch.* Op. cit. P. 120.

⁸⁴ *Chastenet J.* Op. cit. P. 192.

чие, группировавшиеся по профессиям, карбонарии и члены других тайных обществ, иностранные делегации, профессиональные бунтовщики. Повсюду раздавались крики: «Слава генералу Ламарку!», «Ламарка в Пантеон!» Спустя три часа половина Парижа была в руках восставших. Однако военный министр маршал Н. Сульта медлил применять силу. Сульту даже подозревали в сговоре с оппозицией. Правительство располагало 40 тыс. солдат в казармах Парижа, 30 тыс. располагались в пригороде. Войска заняли стратегические позиции. К восьми часам вечера адъютант короля, генерал Эмес, прибыл в Сен-Клу. Король с королевой решают вернуться в Париж⁸⁵. Час спустя Орлеаны были в Тюильри. Дворец казался пустым; его обычные обитатели на всякий случай разбежались. Луи-Филипп во дворе Карузели устроил смотр линейных батальонов и Национальной гвардии. Король поручил командование войсками маршалу Лобо. Войска методично и без выстрелов занимали восставшие кварталы, изолируя таким образом очаг восстания. Наутро Национальная гвардия, состоявшая исключительно из буржуа, значительная часть которых накануне была на стороне бунтовщиков, перешла на сторону короля.

Что касается рядовых парижан, представителей рабочих слоев, то они чувствовали, что образованные люди, стоявшие во главе движения, больше озабочены тем, чтобы принести свободу полякам и итальянцам, нежели улучшить условия жизни простого народа во Франции⁸⁶.

К полудню бульвары были очищены, однако квартал Сен-Мерри еще держался. Луи-Филипп верхом пересек Париж от площади Согласия до Бастилии и вернулся обратно по улице Сент-Антуан. Парижане восхищались его храбростью, и этот день стал для них событием: французы вновь обрели своего короля! Луи-Филипп вступил в Тюильри триумфатором.

По официальным отчетам, число погибших и раненых составило у регулярных войск 55 и 240 человек соответственно, 18 и 204 человек у Национальной гвардии. Потери восставших составили 43 человека убитыми и 291 человек был ранен. Далее правительство приняло меру, на которую в свое время не решился пойти Казимир Перье: оно ввело чрезвычайное положение. Это нужно было для того, чтобы предать обвиняемых не обычному суду, а военному трибуналу. Однако кассационный суд отказался утвердить эту меру⁸⁷.

⁸⁵ *Bordonove G.* Op. cit. P. 84.

⁸⁶ *Chastenet J.* Op. cit. P. 193.

⁸⁷ *Ibid.* P. 195.

* * *

Так Луи-Филипп победил республиканский бунт, а потом и легитимистский мятеж в Вандее. Холера пошла на спад; как писал Александр Дюма, постепенно к ней привыкли. «Во Франции, увы, привыкают ко всему. Говорили даже, будто лучшее средство борьбы с холерой заключается в том, чтобы жить как обычно и вовсе о ней не думать», – сокрушался писатель⁸⁸. Всего же эпидемия холеры 1832 г. в Париже убила до 18 тыс. чел.

REFERENCES

- Apponyi R. de.* Journal. 1826–1848. Présenté et annoté par Nicolas Mietton. Paris, 2008.
- Brégeon J.-J.* La Duchesse de Berry. Paris, 2009.
- Bordonove G.* Louis-Philippe. 1830-1848. Roi des Français. Paris, 2009.
- Chastenet J.* Une Époque de contestation: La Monarchie bourgeoise. 1830-1848. Paris, 1976.
- Dumas A.* Mes Mémoires. Neuvième série. Paris, 1863.
- Rémusat Ch.* Mémoires de ma vie. Paris, 2017.
- Гейне Г.* Французские дела // Собр. соч. в 10 т. М., 1958. Т. 5 [Gejne G. Francuzskie dela // Sobr. soch. v 10 t. M., 1958].
- Кареев Н.И.* История Франции в XIX веке. М., 2011 [Kareev N. I. Historiya Francii V XIX veke]. М., 2011.
- Сю Э. Ж.* Вечный жид. М., 2015. Т. 1 [Syu E. Zh. Vechnyj zhid. M., 2015. T. 1].
- Таньшина Н.П.* Восстание в Вандее 1832 года, или Авантюра герцогини Беррийской. СПб., 2020 [Tan'shina N. P. Vosstanie V Vandee 1832 goda, ili Avantyuura Gercogini Berrijskoj. SPb., 2020].

Наталья Петровна Таньшина

доктор исторических наук,
 профессор кафедры Всеобщей истории
 Института общественных наук
 РАНХиГС
 119991, Москва, пр. Вернадского, д. 84
 профессор кафедры новой и новейшей
 истории стран Европы и Америки
 Московский педагогический
 государственный университет
 119991, Москва, пр. Вернадского, д. 88
 e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Tanshina, Natalia

Dr. Hab. (History), professor of the
 Department of General History
 Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public
 Administration
 88, Vernadsky Avenue, Moscow, 119991
 professor Moscow pedagogical state
 University,
 84, Vernadsky Avenue, Moscow, 119991
 e-mail: nata.tanshina@mail.ru
 Researcher ID Q-9669-2016
 ORCID: 0000-0001-7373-592X

⁸⁸ *Dumas A.* Op. cit. P. 162.